

Политические процессы в меняющемся мире

DOI: 10.31249/kgt/2022.06.01

«Треугольник» Москва – Дели – Пекин в системе внешней политики Индии

Андрей Геннадиевич ВОЛОДИН

доктор исторических наук, главный научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: andreivolodine@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0627-4307

ЦИТИРОВАНИЕ: Володин А.Г. «Треугольник» Москва – Дели – Пекин в системе внешней политики Индии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 6. С. 6–27.

DOI: 10.31249/kgt/2022.06.01

Статья поступила в редакцию 20.10.2022.

Исправленный текст представлен 18.11.2022.

История не закончилась – она вернулась.

Параг Ханна, индийский аналитик-футуролог

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается влияние «стратегического треугольника» Москва – Дели – Пекин на эволюцию внешней политики Индии в конце XX – начале XXI в. Прослеживается история формирования «треугольника», в динамике показано отношение России, Индии и Китая к идее геополитической интеграции Евразии. После распада СССР «треугольник» долгое время развивался по сценарию «2+1», учитывая сложные взаимоотношения Индии и Китая. В настоящее время перегруппировка сил в мировой политике подталкивает Пекин и Дели к поискам геополитического взаимопонимания, и на передний план выходит стратегическая заинтересованность «Слона» и «Дракона» в создании общими усилиями новой, полицентрической модели глобального мироустройства. Автор полагает, что движение

Москвы, Дели и Пекина навстречу друг другу стимулируется тектоническими процессами, открыто проявившими себя после 24 февраля 2022 г. «Драматическое» переформатирование мирового пространства требует наполнения «треугольника» интенсивными российско-индийскими экономическими связями. Расширению и углублению двусторонних экономических отношений способна помочь система клиринговых расчетов, предназначенная для ослабления инфляционной нагрузки на обе национальные экономики. Повышению эффективности внешнеэкономических связей двух стран будет способствовать стратегическое управление российского государства системой двусторонних отношений. Принципы стратегического управления были характерны для «государства развития» в Японии, Южной Корее и других успешных обще-

ствах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Движущей силой экономических связей России и Индии обещает стать международный транспортный коридор «Север – Юг» с активным участием Ирана.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: полицентрический мир, Россия, Индия, Китай, индийско-китайский пограничный конфликт, Пакистан, США, геополитика, Иран, международный транспортный коридор «Север – Юг».

«Реактивное» становление нового, полицентрического, мира, его экономических и политических институтов, коалиционных связей, объединений и функций заставляет академическую науку пристальнее присматриваться к явлениям и процессам, которые как тенденция наметились еще во второй половине 1980-х годов, но их развертывание было отложено таким тектоническим сдвигом в глобальной политике, как распад Советского Союза в 1991 г. Можно утверждать, что становление полицентрического мироустройства было *продолжением* геополитических процессов XX в. [Володин, 2019, с. 6–31].

В формирующемся в режиме реального времени новом полицентрическом мироустройстве по-настоящему центральная роль принадлежит Евразии, и данный факт подтверждается *исторически*. Ведь с начала XX в. идет, не ослабевая, идейно-политическая борьба за Евразию, которая уже тогда рассматривалась как своеобразная «сердцевина мира». Отнюдь не случайно в 1904 г. появляется сочинение британского географа и геополитика Хэлфорда Маккиндера «Географическая ось истории», в котором в научный и практический оборот вводится понятие «хартленда» («сердцевины мира»). Под «хартлендом» понимается

центральная часть Евразии. Нетрудно сделать вывод: устойчивость позиций «хартленда» в мировой политике в конечном счете определяется потенциальным взаимодействием и сотрудничеством «периферийных» на то время государств: России, Индии и Китая. Соответственно и стратегические интересы Британии состояли в недопущении формирования подобного «стратегического треугольника».

Исторические начала «стратегического треугольника»

В России уже в ту пору «уловили» геополитическое содержание идей Х. Маккиндера. Образ «стратегического треугольника» Россия – Индия – Китай занимает мысли политических деятелей и ученых уже больше века. И вот в 1908 г. В.И. Ленин публикует статью «Горячий материал в мировой политике» [Ленин, 1968, с. 174–183], где, помимо прочего, ставится задача объединения усилий трех сверхкрупных стран в международных отношениях. Объединение усилий России, Индии и Китая мыслитель рассматривал как инструмент создания действенного «противоцентра» господствовавшей в то время в мире системе экономического и политического доминирования. Суть ленинской концепции «хартленда» исчерпывающе проста: она состоит в необходимости *геополитического* союза трех «периферийных» на то время по отношению к центрам мировой экономики и политики государств с целью последующего освоения Тихого и Индийского океанов. (Настоящее время, в связи с климатическими изменениями, добавило к двум океанам и третий – Северный Ледовитый. К слову сказать, классик мирового общественнозна- ния Уолт Ростоу в работе 1998 г. писал

о постепенном падении влияния североатлантического пространства в мировых делах [Rostow, 1998]. «Географическая ось истории», таким образом, смещается в сторону глобального Юга). После окончания Второй мировой войны и распада колониальной системы ленинская идея обрела второе дыхание. Понятно, что и сторонники сохранения неоколониальной модели управления миром действовали активно и целенаправленно.

После пограничного конфликта 1962 г., на который первого премьер-министра Индии Дж. Неру *косвенно* вдохновлял президент США Д. Эйзенхауэр (декабрь 1959 г.) [Daulet Singh, 2020, р. 60], индийско-китайские отношения надолго оказались замороженными. Обратный процесс начался лишь в 1979 г., после встречи министра иностранных дел Индии А.Б. Ваджапаи с лидером Китая Дэн Сяопином. Однако формальная нормализация двусторонних отношений не разрушила сформировавшиеся конструкты исторической памяти у народов и элит обеих стран. По-прежнему фактор «угрозы с Севера» влияет на стиль мышления и поведения внешнеполитического истеблишмента Индии, тогда как официальные круги в Поднебесной всё еще полагают, что «крупнейшая демократия мира» выполняет «стратегический заказ» США по сдерживанию КНР в Азии.

Говоря обобщенно, в послевоенный период острые советско-китайские и индийско-китайские противоречия активно мешали реализации идеи «стратегического треугольника» – несущей конструкции нового, свободного от западной гегемонии мирового устройства. Правда, в начале 1980-х годов группа индийских общественных деятелей левой ориентации во главе с Раджендрой Кумаром Гаргом (R.K. Garg) пыталась подготовить интеллектуаль-

ную почву для оживления давнего ленинского геополитического проекта. (Сам Р.К. Гарг говорил автору о наличии в КНР желания преодолеть сложившуюся отрицательную инерцию в отношениях с Москвой; в конечном счете, по его словам, возобладали «традиционная китайская осторожность», нежелание реализации «слишком смелого» геополитического проекта.) Однако сохранявшиеся трения между тремя государствами-гигантами (а также активные попытки США воспрепятствовать реализации опасного для «коллективного» Запада стратегического замысла) помешали материализации идеи «треугольника» Москва – Дели – Пекин. Тем не менее во время визита руководителя СССР М.С. Горбачева в Дели (декабрь 1986 г.) индийская сторона была извещена о желании Кремля нормализовать советско-китайские отношения. И хотя под воздействием новых веяний во внешней политике Москвы у Пекина уменьшились стимулы к уступкам в «пограничном вопросе» [Daulet Singh, 2020, р. 43], по крайней мере одно «концептуальное» препятствие перестройке трехсторонних отношений, как казалось, было устранено.

Новый импульс нормализация отношений внутри «треугольника» получила с распадом Советского Союза в 1991 г. После дезинтеграции и СССР, и Индия, и Китай почувствовали себя бесприютно в однополярном мире, таившем в себе многочисленные неопределенности в сравнении с несимпатичным, зато предсказуемым биполярным порядком. Помимо этого, Пекин и Дели были поставлены перед необходимостью энергичной реализации внутренней «повестки развития» как неуклонного условия повышения жизнеспособности их обществ. В 1993 г. обе стороны формально отказались от попыток «использования силы для решения пограничных проблем». В сущности,

обоюдное беспокойство по поводу новой и трудно прогнозируемой реальности, однополярного мира, наряду с разделяемым обеими сторонами пониманием экзистенциальной важности спокойной географической «периферии», как и концентрация внимания на неотложных «домашних» проблемах – внутренней безопасности, политической стабильности, экономического роста и развития – эти и другие факторы объединили Дели и Пекин в стремлении завершить нормализацию двусторонних отношений. Понятно, что пограничный конфликт не испарился из исторической памяти двух народов и их элит.

Поиски «противовеса» *униполю* стали, таким образом, насущной задачей внешней политики двух сверхкрупных стран. Началась незаметная стороннему наблюдателю, но чутко осязаемая опытным дипломатом нормализация отношений между двумя азиатскими государствами-гигантами. Смысл этих своеобразных интеллектуальных поисков состоял в том, чтобы найти «противоцентр» материализовавшемуся в начале 1990-х годов *Pax Americana*. Такого рода поиски пользовались молчаливой поддержкой многих членов мирового сообщества. Стало быть, сформулированная Е.М. Примаковым идея (по сути дела, ленинская) о «стратегическом треугольнике» Москва – Дели – Пекин, несмотря на первоначально осторожное к ней отношение как в Поднебесной, так и в «крупнейшей демократии мира», постепенно обрела статус некоей программы действий на обозримое будущее. Перспективность идеи «треугольника» была косвенным образом подтверждена желанием правящих кругов Бразилии расширить состав участников данной геополитической «платформы», трансформировав ее в межконтинентальный «квадрат сил» с участием южноамериканского

«гулливера». (Из беседы автора с послом Бразилии в России Марией Тереза Машаду Кинтелла, февраль 1996 г.) Желание правящих кругов крупнейшей страны Латинской Америки расширить формат «треугольника» было, видимо, связано с положительными итогами визита в Индию президента Бразилии Ф.Э. Кардозу в качестве «главного гостя» торжественных мероприятий в Дели, посвященных Дню Республики в конце января 1996 г.

Видимо, можно с известной долей условности предположить, что Россия, Индия и Китай добились осязаемых практических результатов в стабилизации международных отношений в Евразии. Несмотря на сложности в индийско-китайских отношениях, «стратегический треугольник» функционировал, положительно влияя на характер взаимоотношений между самими евразийскими «исполинами». Немаловажно, что нынешняя ситуация противостояния России и «коллективного» Запада убедила и «Слона», и «Дракона» в необходимости разрядить напряженность в двусторонних отношениях, возобновить линию на утверждение своих «цивилизационных» ценностей и геополитической самостоятельности в международных отношениях. Можно сказать, что «несвоевременный украинский кризис» (К. Сибал) сообщил дополнительный центростремительный импульс развитию «стратегического треугольника». В антироссийских действиях «коллективного» Запада и Дели, и Пекин усмотрели попытку США и их ближайших союзников предотвратить наступление «века Азии» и навязать остальному миру «универсалистские» нормы и ценности «североатлантической цивилизации».

Отечественные и зарубежные специалисты и наблюдатели отмечают, что в «генетическом коде» стран-участниц «стратегического треугольника»

присутствуют определенные черты сходства:

- известная культурно-ценностная близость трех обществ, выражающаяся в отсутствии отчетливо выраженного поведенческого индивидуализма, чрезмерной расположенности к приобретательству и повышенного интереса к накоплению материальных ценностей;

- некая институциональная похожесть политических систем «нелиберальной демократии» (Ф. Закария), «неразвитых» в западном понимании, т. е. расположенных к политическому авторитаризму («суверенная демократия» в России, «направляемая демократия» в Китае, «соревновательный авторитаризм» в Индии) обществ, что заставляет их выступать «единым фронтом» в идеологической полемике с западным миром по гуманитарной проблематике («права человека») и что можно трактовать как *негативную общую идентификацию* или как *солидарность на основе неприятия* ценностей западной («универсалистской») цивилизации.

Тем не менее различие интересов «государств-цивилизаций» постоянно дает о себе знать, особенно в двусторонних отношениях. Геополитика постоянно влияет на динамику индийско-китайских отношений. Так, в конце 2006 г. Китай приостановил двусторонний переговорный процесс, как оказалось, в ответ на фактическую легитимизацию Америкой ядерного статуса Индии, содержащуюся в совместном заявлении США и Индии в 2005 г. Данное заявление впоследствии стало институциональной основой совместных индийско-американских внешнеполитических инициатив, превратилось в постоянный фактор государственного курса Индии. Иначе говоря, перед Пекином встал вопрос: Дели по-прежнему является *автономным* центром силы в мировой политике или вовлекается, в силу самой логи-

ки происходящих событий, в антикитайский стратегический альянс с участием США и Японии?

Тенденцию к более равномерному распределению влияния и власти в международной системе, надо полагать, углубил глобальный экономический кризис 2008–2010 гг. Тренд формирования реальной, содержательной многополярности объективно подталкивает Индию и Китай к совместной работе по «параметрической» проблематике (т. е. включающей в себя исключительно глубокие, продолжительные по действию и оказывающие постоянное влияние на ход мирового развития проблемы), прежде всего на поле создания модели устойчивого и взаимозависимого мира. Таким образом, перед индийским внешнеполитическим истеблишментом самой жизнью поставлена задача создания всеобъемлющей доктрины внешней политики, в которой «стратегический диалог» с Америкой органически сопрягался бы с предсказуемым и последовательным курсом в отношении «великого северного соседа», Китая. При оценке новой внешнеполитической стратегии нелишним окажется и экскурс в историю: стабилизации отношений «Слона» и «Дракона» в 1970-е годы способствовало поступательное развитие отношений Индии с СССР и США. Прагматизм государственного курса Индиры Ганди может оказаться поучительным и уместным в новых условиях активного преформатирования мирового пространства. В свое время, в конце 1960-х – начале 1970-х годов, стремление советского руководства вовлечь Индию в систему безопасности в Азии, якобы, как полагали в Дели, направленную против Поднебесной, натолкнулось на сопротивление премьер-министра Индии. Одновременно «крупнейшей демократии мира» удалось использовать в своих интересах тогдашний баланс сил на

глобальном уровне и добиться значительных экономических и военно-политических результатов благодаря общности геостратегических интересов с Советским Союзом.

Важное значение для эволюции «стратегического треугольника» Россия – Индия – Китай, безусловно, имел *миросистемный* аспект китайско-индийских отношений. Так, международные позиции Индии заметно укрепились после начала «стратегического диалога» с Америкой, в то время как отношения Пекина и Вашингтона во всё возрастающей степени начали определяться соперничеством между двумя державами. В силу вступил закон «необходимой геополитической дополнителности». Иначе говоря, Китаю требовалась соответствующая геополитическая «компенсация», и стратегический «альянс» с Россией помог Поднебесной придать своей внешней политике дополнительную геостратегическую глубину, а также с вновь обретенных позиций переосмыслить свою роль в мире и осознать себя как великую державу, что невозможно было сделать в одиночку. Однако уже тогда дальновидно мыслящие специалисты-международники (М.К. Бхадракумар, З. Даулет Сингх и другие эксперты) предостерегали индийский внешнеполитический истеблишмент от чрезмерных надежд на помощь Америки, руководствовавшейся в отношении Индии своими, далеко не «филантропическими» расчетами. (Ретроспективный анализ показывает, что зависимость от Вашингтона «афганская политика» поставила официальный Дели в сложное положение в начале осени 2021 г., т. е. после хаотической эвакуации американских войск из Афганистана. Индии потребовалась помощь России и других дружественных стран для выхода из своегообразного геополитического «афганского тупика»; можно предположить,

что Россия отныне рассматривается официальным Дели как важный инструмент активного развития региональной политики, которая поможет Индии повысить действенность своего дипломатического потенциала в регионах Южной Азии, Среднего Востока и Центральной Азии.)

Дополнительным, время от времени дающим о себе знать фактором нестабильности в отношениях Дели и Пекина некоторые индийские авторы считают своего рода «смену вех» в политическом сознании и мышлении правящих кругов Китая. На самом деле активный экономический рост Китая конца XX – начала XXI в. в итоге трансформировался в «напористый» внешнеполитический курс Поднебесной под руководством председателя КНР Си Цзиньпина, который стал частью нынешней парадигмы «баланса сил» в Азиатско-Тихоокеанском регионе; «активистский» внешнеполитический курс постепенно вытеснял политику «адаптивности» (т. е. приспособляемости к внешним обстоятельствам), характерную для времени Дэн Сяопина и его преемников. В результате произошло столкновение внешнеполитических парадигм двух стран, которое и стало непосредственной причиной «докламского противостояния» в Гималаях летом 2017 г. Значительную роль, хотя и непрямую, в противостоянии двух «гигантов» сыграл *внешний*, на сей раз американский, фактор. В период докламского кризиса, как полагают специалисты-международники, «фокусом» внешней политики США была «угроза», исходившая от России, тогда как вызов со стороны Китая рассматривался американскими внешнеполитическими стратегами как своего рода «периферийная тема». В то же время для Поднебесной «стратегическая глубина» во внешней политике, достигнутая благодаря отношениям с Россией, стала источником

уверенности в «нейтралитете» Запада в конфликте Китая и Индии.

Ретроспективно можно предполагать, что разрешение конфликта в Докламе было следствием действия трех сугубо невоенных обстоятельств. Во-первых, были эффективно задействованы невидимые общественности механизмы урегулирования таких форматов, как БРИКС и ШОС, над которыми постоянно иронизируют некоторые индийские «аналитики». Во-вторых, сказалась заинтересованность двух стран в солидарном диалоге с Западом по реформе международных финансовых институтов (которая открыто проявилась в ходе начавшейся экономической войны Запада против России). В-третьих, двусторонняя торговля и инвестиции начинают играть всё более важную роль в отношениях «Слона» и «Дракона» (двусторонний товарооборот в «ковидном» 2021 г. превысил 125 млрд долларов). Не стоит забывать, что тлеющий конфликт в отношениях Индии и Китая как минимум не противоречит долгосрочным интересам «коллективного» Запада. Подоплеку тревог Америки и ее союзников относительно экономического и политического восхождения двух стран-гигантов невольно обнажил британский журналист и финансовый аналитик Д. Смит: «Страхи перед Индией и Китаем витают в воздухе. Аргументы Запада выглядят примерно так: восходящие гиганты худощавы и мускулисты, голодны и высококонкурентоспособны, тогда как Запад стал дряблым и самодовольным. Они подрывают основы нашего существования, обрекая наших рабочих на тощие зарплаты. Ведь жалование на Западе не может опускаться до уровня, способного компенсировать конкурентную немощь нынешних индустриальных обществ. Самое большее, на что мы можем рассчитывать, это замедление темпов нашего относи-

тельного упадка, возможно, за счет введения протекционистских барьеров. Помогут ли эти меры? На сей счет есть разные прогнозы; некоторые из них поистине мрачные» [Smith, 2007, p. 235].

Москва: лавирование между Дели и Пекином?

Хорошо известно: постоянным дестабилизатором отношений Дели и Пекина выступает пограничная проблема. С определенностью утверждать, что в ухудшении двусторонних отношений виновата Поднебесная или «крупнейшая демократия мира», неверно. Скорее, правильной выглядела бы постановка вопроса об *исторической ответственности* Великобритании за периодические обострения отношений двух стран в постколониальный период истории международных отношений. Британскую «эстафету» с энтузиазмом приняли в Соединённых Штатах, и в настоящее время американские аналитики активно разрабатывают тему индийско-китайских противоречий, вытекающих из пограничного «спора» [Madan, 2022]. Не будет преувеличением сказать, что «пограничная проблема» оказалась органически вплетенной в общую ткань индийско-китайских отношений и что она постоянно влияет на их тонус. История международных отношений показывает, что Индия может полностью реализовать свой геополитический потенциал в условиях устойчивых и предсказуемых отношений с основными мировыми державами. Только в этом случае Дели воспринимает в Пекине как весомый фактор мировой политики. Впрочем, абсолютизировать роль фактора баланса сил во внешней политике Индии не всегда продуктивно. «История, – полагает З. Даулет Сингх, – также напоминает об ограниченности влияния данного

баланса сил на внешнеполитическую жизнеспособность Индии. Индийско-американские и индийско-советские/российские отношения оказывали стабилизирующее влияние на внешнюю политику страны на китайском направлении *только тогда, когда Индия оставалась твердо приверженной своим интересам и противилась превращению в объект большой игры великих держав*» (курсив мой – А.В.)» [Daulet Singh, 2020, с. 115].

Для оценки внутреннего состояния «стратегического треугольника» Россия – Индия – Китай безусловно значимой остается оценка поведения «коллективного» Запада в нынешний переходный период эволюции международной системы. Понятная неготовность США, их союзников и попутчиков к реформированию существующего мирового порядка и стремление сохранить свои бывшие стратегические преимущества даже ценой невыполнимых геополитических обязательств делают перспективы мирного «транзита» к новой парадигме мирового развития пока неопределенными. Со своей стороны страны Азии, пережившие период колониализма и фактической зависимости от Запада, выработали в культуре и сознании представления о суверенитете, а равно и собственную версию грядущего мирового порядка, которая не сопрягается с ролью, которая им отводится в европоцентричном устройстве ойкумены. Тем более что ценности, которые отстаивают новые лидеры (Китай, Индия и т. д.), не являются «ревизионистскими» по отношению к существующему мировому порядку, и в этом состоит отличие нынешних соискателей великодержавного статуса от их предшественников – Германии и Японии межвоенного периода, наполеоновской Франции или же Китая времен Мао Цзэдуна. Задача «новых» лидеров сводится к отстаиванию своих

интересов в рамках сложившейся системы международных отношений. Непредвзятый взгляд на нынешнюю мировую политику показывает, что геополитические цели Китая определенно скромнее, чем те, которые приписывают Поднебесной «стратегические элиты» Запада. Квинтэссенция внешней политики наиболее населенной страны мира состоит в том, что КНР пытается использовать других участников «глобальной перестройки» с целью принуждения Запада к равноправному диалогу с Китаем и другими претендентами на великодержавный статус.

Фактическая дезинтеграция *униполюса* вновь поставила вопрос о сохранении Индией «стратегической автономии» в мировом пространстве. Стоит помнить: в Индии всё еще влиятельны силы, которые полагают, что в век комплексной взаимозависимости, осложняемой возобновившимся соперничеством великих держав, целесообразно примкнуть к одной из сторон, идентифицировать себя с одним из соперничающих «лагерей». Однако контент-анализ официальных документов показывает: Индия стремится сохранить *многовекторность* внешней политики, пытается одновременно добиться следующих главных целей: 1) в «стратегическом диалоге» с США – целостности и безопасности существующих путей мореплавания в Индийском и Тихом океанах; 2) в «стратегическом партнерстве» с Россией – легитимации полицентрической формы организации мирового пространства и «инклюзивности» глобальной архитектуры безопасности, а равно и универсальной ценности суверенитета (при поддержке ООН); 3) в отношениях с Китаем – поиска общей платформы для последующего создания новых финансовых институтов, отвечающих интересам основной части человечества, стран глобального Юга.

Противоречивое влияние на эволюцию «стратегического треугольника» оказывает и внутривнутриполитическое положение в США. В последние годы в Америке с особой силой развернулись оживленные дискуссии о судьбе «мирового либерального порядка» (МЛП). В сущности, центральный вопрос общенациональных дебатов сформулирован следующим образом: обладают ли США материальными ресурсами для исполнения обязательств по поддержанию МЛП и продолжения помощи союзникам и «сочувствующим», а также для укрепления американоцентричных международных институтов? Популисты / экономические националисты придерживаются мнения об упадке индустриальной экономики Америки и неконтролируемом притоке мигрантов, что рассматривается не только как политическая проблема, но как *культурная атака* на американскую цивилизацию. Согласно мнению популистов, политика глобализации уже привела к бессмысленной растрате материальных ресурсов. Конечным результатом глобализации, полагают популисты, станет цивилизационный «разлом» в самом американском обществе и неизбежный внутренний социальный взрыв. Глобалисты, со своей стороны, утверждают, что отказ от интервенционизма и руководящей роли Америки в мире вызовет нарастание хаотических тенденций в международных отношениях. Отмеченные выше непримиримые концепты развития стали основой внутри- и внешнеполитического дискурса Америки, и дотоле скрытые разделительные линии, такие как раса, идентичность и культура, вышли на поверхность социальной жизни и увеличили вероятность гражданских раздоров.

Результаты президентских выборов 2016 г. в Америке, как считают некоторые ученые-международники, не от-

разились на характере «стратегического дискурса» Индии, который пока не обнаружил гибкости мышления в реакции на размывание основ неолиберального миропорядка. Несамостоятельность внешнеполитического мышления в условиях формирующегося конкурентного мирового порядка грозила «крупнейшей демократии мира» сужением поля для маневра в отношениях с Китаем (а также с Россией), не позволяла использовать преимущества новой международной среды. Необходимость преодоления инерции внешнеполитического мышления диктовала «нетривиальный» подход к управлению дипломатической службой Индии. Правящие круги страны, очевидно, решили, что «новое – это основательно забытое старое»; внешняя политика, таким образом, вошла в зону прямого подчинения премьер-министру Н. Модди. Аналогичная модель управления международной деятельностью страны эффективно использовалась Индией в годы правления Индиры Ганди (1966–1977, 1980–1984).

Свои особенности, не влияющие прямо на эволюцию «стратегического треугольника» Москва – Дели – Пекин, имеет и трансформация внешней политики Поднебесной. В настоящее время Китай испытывает возрастающие трудности в отношениях с Америкой, и у этих трудностей есть своя предыстория. Постепенное и терпеливое «пестование» официальным Пекином отношений с Россией после распада СССР обеспечило Поднебесной спокойствие и «стратегическую глубину» на ее сухопутных границах в Евразии, не наблюдавшиеся в течение столетий. В настоящее время основные вызовы безопасности Китая, как полагают политологи-международники, исходят из западной части бассейна Тихого океана. Военные эксперты отмечают, что КНР целеустремленно развивает на

этой акватории свои возможности воздействия на морское пространство, где с 1945 г. бессменно доминируют ВМС США. Для Америки стратегические интересы в регионе, т. е. контроль над западной частью бассейна Тихого океана, остаются незыблемыми, поскольку здесь расположены страны, тесно связанные с американским финансовым капиталом и промышленностью. Таким образом, столкновение интересов Пекина и Вашингтона стало неизбежным, а его квинтэссенция состоит в том, что Китай экзистенциально заинтересован в «ревизии» сложившегося «американоцентричного» геополитического порядка в Восточной Азии. В свою очередь, расстановка внутривосточных сил в США не приемлет какие-либо компромиссы с Поднебесной в западной части Тихого океана, что делает невозможным бывшее сотрудничество двух стран и, напротив, предвещает долгое соперничество. Как полагает авторитетный британский автор М. Жак, «коллективный» Запад в послевоенный период всячески пропагандировал «демократический порядок» в пределах *нации-государства*, тогда как демократизация международных отношений откровенно игнорировалась. «Такой глобальный порядок был антидемократичным и неприкрыто авторитарным. Материализация Китая как доминирующей глобальной державы едва ли проложит путь к демократическому глобальному управлению, однако подъем, наряду с Китаем, таких развивающихся наций, как Индия, Бразилия и Россия, должен стать предвестником формирования более демократичной модели мировой экономики. ... Глобальный экономический порядок, опирающийся на поддержку стран БРИКС... и других развивающихся государств, по своей сути будет демократичнее нынешнего западоцентричного мирового порядка» [Jacques, 2009, p. 377].

Китайский «угол» трехстороннего баланса сил напрямую зависит и от глобального восприятия официальным Пекином «коллективного» Запада. Несложно заметить, что к соперничеству с США и их «союзниками» в Поднебесной подходят осторожно. Не исключено, что китайское руководство сопричастно своим действиям на глобальном уровне с фактором *исторической памяти*. В правящих кругах КНР учитывают опыт предвоенных и военных лет, в частности вызов тогдашних «ревизионистских держав», Германии и Японии, существующей международной системе, который имел следствием саморазрушение двух обществ в результате Второй мировой войны. КНР, с одной стороны, сохраняет приверженность *открытой экономической системе*, поскольку такого рода лояльность соответствует интересам Поднебесной. С другой стороны, как полагают в Пекине, влияние Соединённых Штатов и Японии в Тихоокеанской Азии стало чрезмерным и «обременительным», оно уже не соответствует геоэкономическим и геополитическим реалиям региона. Наконец, не стоит забывать, что на политическую стратегию Поднебесной продолжают влиять конструкты исторической памяти, которая цепко удерживает время зависимости от Запада; эту эпоху, охватывающую период с 1850 по 1949 г., в Китае принято именовать *веком унижения* [Jacques, 2009].

Китайские руководители, как отмечают специалисты, тщательно просчитывают свои внешнеполитические решения и действия. В настоящее время КНР уже стала своеобразной несущей конструкцией азиатской экономики, а группировка-платформа АСЕАН превратилась в ведущего внешнеэкономического партнера Китая. Геополитические последствия экономического «наступления» Поднебесной становятся всё более заметными. Так, дивер-

сифицируя структуру внешнеэкономических связей, Китай проявляет всё меньшую склонность к односторонним уступкам США на пространстве торговли и инвестиций. Со своей стороны, американские политики, признающие роль истории и географии в формировании долгосрочной стратегии США, начинают рассматривать отношения с Китаем сквозь призму «силового треугольника» Вашингтон – Москва – Пекин с вытекающими последствиями и решениями. На отношения США с Китаем, Индией и Россией всё возрастающее влияние оказывает то обстоятельство, что среди американцев быстро сужается пространство поддержки глобализации и глобализма. Американские избиратели с неодобрением наблюдают, что глобализация приносит неоправданно высокие прибыли «микроскопическому меньшинству» населения. В то же время американской промышленности приходится конкурировать с «державой-соперником» на растущем числе экономических и технологических «фронтов». Видимо, сердцевина содержания нынешних американо-китайских отношений состоит в том, что КНР в послевоенном мировом порядке и особенно после распада СССР является не «клиентом» или «младшим партнером», но *независимым игроком*, чего элиты в США не могут и/или не хотят понять.

Простая истина: инициативная внешняя политика напрямую связана с *политэкономическим* потенциалом общества и государства. Известно, что в Китае существует социально-экономический дуализм *восток и юг против «остальных»*. Как представляется, диспаритеты и дисбалансы развития в «крупнейшей демократии мира» еще более значительны. По мнению видного индийского экономиста П.Ш. Джха, социально-имущественные диспропорции между индийскими штатами в по-

следнее время активно нарастают. Так, с одной стороны, в динамично развивающихся Гуджарате и Махараштре темпы экономического роста варьировали в пределах 12–14%, тогда как в Бихаре, Ориссе (Одише), Джхарканде, Чаттисгархе, а также в штатах Северо-Востока они не превышали 3–4%. Следствием такого положения стало превышение душевого дохода в Гуджарате аналогичного показателя в Бихаре более чем в три раза. В шести штатах: Карнатаке, Тамилнаду, Андхра-Прадеш, Пенджабе, Хариане и в союзной территории Дели – темпы экономического роста превышают общеиндийские показатели. На остальной территории страны, включая наиболее населенные штаты Уттар-Прадеш и Мадхья-Прадеш, темпы экономического роста значительно ниже общенациональных показателей. «Долгосрочную угрозу, которую этот зияющий разрыв создает единству Индии, нельзя недооценивать», – подводит итог своим размышлениям П.Ш. Джха [Jha, 2010, p. 288].

Внешнеполитическая стратегия Индии имеет свои приоритеты, в том числе связанные с «треугольником» Москва – Дели – Пекин. В своем большинстве индийские специалисты-международники полагают, что на данном направлении дипломатической деятельности программа-максимум для «крупнейшей демократии мира» заключается в активном ослаблении стратегической связи Москва – Пекин и получении необходимой свободы геополитического маневра в Азии. В качестве положительного примера приводится многопрофильное сотрудничество России и Вьетнама, развивающееся несмотря на «доверительные» отношения Москвы и Пекина. По логике вещей центральная задача Индии состоит в том, чтобы убедить официальную Москву в независимости «крупнейшей демократии мира» от Америки и в лояльности

системе коллективной безопасности в Азии. Также существует мнение, согласно которому укрепление сотрудничества с Россией (за пределами традиционных сфер неклассической энергетики и ВТС) уменьшит желание Москвы быть «младшим партнером» Пекина. Одновременно Индия, расширяя пространство сотрудничества с Россией, может рассчитывать на более сильную позицию по отношению к «стратегическому треугольнику» Вашингтон – Москва – Пекин [Daulet Singh, 2020].

«Стратегический треугольник» в контексте внешней политики Индии

Во внешнеполитической концепции Индии присутствует идея Индо-Тихоокеанского региона. Важно иметь в виду, что Вашингтон, формируя концепцию Индо-Тихоокеанского региона [Феномен Трампа, 2020, с. 578–594], во-первых, преследует цель включить Индию в систему «сдерживания» Китая, не предлагая «крупнейшей демократии мира» ничего конкретного взамен; во-вторых, поощряя разворот геостратегической активности Индии на восток, Америка, как представляется, пытается отвлечь внимание Дели от «исторического соперника» Пакистана, чтобы выступить «балансиром» отношений между двумя странами. (Смещение в апреле 2022 г. независимо мыслящего премьер-министра Имрана Хана, к тому же союзника 45-го президента США Д. Трампа, указывает на неизменность целей Вашингтона в отношении Исламабада.) Однако в Южной Азии намечаются новые тенденции в межгосударственных отношениях. «Пакистан, Китай, центральноазиатские государства и даже Индия, – полагает известный пакистанский политический аналитик Р.В. Джанджва, – постепенно

проникаются осознанием экономического потенциала взаимозависимости и торговли, который возможно реализовать только в условиях устойчивого мира и партнерского сотрудничества» [Janjua, 2022].

Вывод американских военных соединений из Афганистана в конце лета – начале осени 2021 г., как полагали тогда в Исламабаде, отражал желание Америки, испытывавшей недостаточность политэкономических и военных ресурсов, сосредоточить свои усилия на Дальнем Востоке и, частично, в Юго-Восточной Азии. В настоящее время «подавляющая» часть ресурсов Америки сосредоточена на Украине, полагает Р.В. Джанджва, и Вашингтон не имеет ясного представления, как вести себя на Среднем Востоке и в Южной Азии: сохранить «частичную» вовлеченность в дела этого региона или «полностью устранившись», предоставив развитие событий в Афганистане и на сопредельных территориях «региональным игрокам» [Janjua, 2022]? Желание влиять на ситуацию в Южной Азии, как отмечает автор, не подкрепляется наличием необходимых возможностей, что становится хронической проблемой для Америки, которую известный англо-американский историк П. Кеннеди еще в 1989 г. определил как «имперское перенапряжение сил» [Kennedy, 1989].

Дискуссия относительно основных ориентиров индийской внешнеполитической стратегии начинает обретать конкретные очертания. Выделяются основные стратегические цели индийской дипломатии на обозримую историческую перспективу. Они включают следующие концептуальные направления дипломатической деятельности: 1) двусторонние и многосторонние форматы отношений со странами, озабоченными повышенной активностью «непознаваемого» Китая;

2) стремление к построению системы коллективной безопасности на пространстве от Суэца до Тихого океана; 3) исторический выбор в пользу статуса «евразийской державы» и решения застарелого пограничного спора с Китаем при снижении геополитической активности в акватории «южных морей», которая угодна Вашингтону. Далее, Индии так или иначе необходимо убедить Китай в своей верности принципам неприсоединения и «стратегической автономии», рассеять тревоги Поднебесной в отношении вступления «крупнейшей демократии мира» в военно-политические блоки, реализующие «геополитическую повестку» США. Иначе и быть не может. Ведь Америка как морская держава опасается развития транспортных магистралей, связывающих различные регионы Евразии. Такое развитие лишает США тех естественных преимуществ, которые были завоеваны в ходе борьбы за контроль над морскими маршрутами.

Беспокойство Индии относительно растущей геополитической активности Китая, надо признать, имеет *объективный* характер. Оно подпитывается прогрессирующим ослаблением геоэкономических позиций США в мире в целом и в Азии в частности. О стратегическом характере подобной озабоченности косвенно свидетельствует, например, следующая оценка соотношения прочности геополитических позиций Вашингтона и Пекина: «Глобальные производственные сети принесли Китаю больше преимуществ, чем США, тогда как медленный и затяжной спад в трансатлантических экономических системах можно проследить с 1970-х годов. В долгосрочной перспективе возглавляемая и направляемая США глобализация (в частности, цепочки поставок) принесла больше выгод китайским, нежели западным глобальным корпорациям. ... Вот поче-

му Америка уже некоторое время стремится заменить Китай в качестве организующего центра производственных поставок Индией и другими менее крупными странами Азии, одновременно пытаясь изолировать китайские высокотехнологичные компании от глобальных производственных сетей и совместных предприятий» [China & the USA..., 2021, p. 75].

Таков *общественно-исторический* контекст становления и эволюции «стратегического треугольника» Москва – Дели – Пекин. Последние события, прежде всего конфликт на Украине и вокруг Украины, как представляется, придали новые важные черты его динамическому развитию. Так, по общему признанию, основным «выгодополучателем» данного конфликта стала Поднебесная. «Крупнейшая демократия мира», думается, также резко повысила свой *геополитический* статус после 24 февраля 2022 г. Неслучайно в аналитических материалах международной прессы всё чаще речь идет о *четырёх* основных субъектах нынешней мировой политики: России, Китае, Америке и Индии. Если подобные предварительные оценки подтвердят свою действенность, то мы сможем констатировать *правильность* ленинского прогноза (1908 г.) основных движущих сил мировой политики на обозримое будущее. Одновременно складывается предварительное впечатление, что официальный Дели адекватно воспринимает новую мирополитическую реальность и таящиеся в ней для Индии возможности. Тем более что «альянс трех» теоретически мог бы «поглотить» остающиеся нерешенными проблемы внутри самого «треугольника», прежде всего индо-китайский пограничный «диспут» и порождаемые им противоречия между «Слоном» и «Драконом».

В связи с вышеизложенным предположением важно оценить реальный

потенциал «стратегического треугольника» Москва – Дели – Пекин, его внутренние слабости и потенциальные возможности. На первый взгляд, полагает Манош Джоши (*Manoj Joshi*), ведущий исследователь аналитического центра *Observer Research Foundation*, платформа Россия – Индия – Китай выглядит «противоестественно» с учетом давнего соперничества «Слона» и «Дракона». Однако невидимыми связующими «нитями» данного формата выступают плотные долгосрочные отношения Москвы и Пекина, с одной стороны, и не менее прочные, «проверенные временем» связи Дели и Москвы – с другой. В известном смысле, по мнению аналитика, своеобразный «мост» Москва – Дели помогает *компенсировать* «гравитационное притяжение» Китая, направленное на Россию.

Таким образом, лояльность официального Дели формату Россия – Индия – Китай имеет несколько уровней осмысления внешнеполитическим истеблишментом «крупнейшей демократии мира» современных мировых реалий. *Первый* уровень состоит в заинтересованности индийской дипломатии укрепить «внешний контур безопасности» своей страны, чего невозможно добиться без налаженного взаимодействия трех держав. *Второй* уровень подразумевает поддержание добрососедских отношений с Поднебесной с целью исключить потенциально враждебные действия Китая против Индии. *Третий* уровень имеет целью поддержание «ценных стратегических отношений» с Россией, которая, в отсутствие дружеских импульсов со стороны Индии, может «по умолчанию» начать нежелательный для Дели «дрейф» в сторону Китая. *Четвертый* уровень осмысления реальности позволяет Индии выступать одновременно в ипостасях и евразийской, и «индотихоокеанской» державы, способной участвовать в столь

различных форматах, как ШОС и *Quad* [Joshi, 2019].

Можно предполагать: в Дели возобладало мнение, согласно которому Индия должна иметь *долгосрочную* стратегию взаимоотношений с Россией, одной из целей которой стала бы *нейтрализация* влияния Поднебесной на индийском «подворье», т. е. в странах Южной Азии. Индия пока не располагает достаточными ресурсами для значимой роли в Северо-Восточной Азии. Однако «в связке» с Японией и Южной Кореей «крупнейшая демократия мира» уже может восприниматься Россией как *перспективный субъект* дальневосточной политики нашей страны, объективно ослабляющий гипотетическую интенцию Москвы «укладывать все яйца в одну, китайскую, корзину».

В формировании общей стратегии России в отношении Индии большое значение имеет и восприятие нашей страны индийским внешнеполитическим истеблишментом. Так, экспертов и аналитиков в Дели интересуют и философские вопросы «экзистенциального» порядка, а именно: 1) какое место Индия занимает в общей, глобальной внешнеполитической стратегии России? 2) «крупнейшая демократия мира» есть «преграда»/«заслон» против Америки и Китая или нечто большее? Стоит напомнить: для Индии отношения с Россией – это своеобразный «особый случай». Ведь объем внешнеторговых операций между нашими странами пока не сравним с товарооборотом Индии с Китаем и США. Однако отношения с Россией остаются жизненно важными для поддержания *геополитического статуса* Индии. В ближайшем будущем, как отмечает М. Джоши, Индии могут понадобиться собственные ударные атомные подводные лодки и гиперзвуковые ракетные снаряды, с производством которых Вашингтон не сможет или не захочет помочь

Дели. Отсутствие сверхсовременных вооружений и военной техники (ВВТ) ослабит стратегические позиции Индии в «вероятностном» противостоянии с Китаем. Со своей стороны, Россия вынуждена учитывать тот факт, что Китай – это «стратегический союзник и соперник одновременно. Так, признавая ведущие позиции России в Центральной Азии, Пекин прокладывает соединительные магистрали в Европу, которые идут в обход России». Объективно отношения Поднебесной со странами Центральной Азии, считает М. Джоши, «подрывают влияние России в этом регионе» [Joshi, 2019].

Рассматривая «стратегический треугольник» в широком философско-геополитическом контексте, правящие круги в Дели признают наличие логики в «кооперационном» поведении Москвы и Пекина, которые рассматриваются в Вашингтоне как «ревизионистские державы», поставившие перед собой цель «выдавить» США из Индо-Тихоокеанского региона. Премьер-министр Н. Модди, полагает М. Джоши, по достоинству оценил роль Индии как «колеблющейся державы»; функции «колеблющейся державы» предполагают, с одной стороны, использование Америки для «уравновешивания» растущего влияния Китая (без стратегических «обязательств перед западным лагерем»), а с другой стороны, поддержание добрососедских отношений с Китаем при опоре на военно-политические связи с Россией и активном участии в социально-экономических и иных процессах в Евразии [Joshi, 2019].

За процессами внутри «стратегического треугольника» пристально наблюдают и в Западной Европе. Так, Кристофер Вейдахер-Сун (*Christopher Weidacher Hsiung*) из Университета Осло отмечает: «Россия, Индия и Китай – это три наиболее важные незападные державы, влияние которых на регио-

нальную и глобальную политику невозможно переоценить. Политики в Европе должны с особой тщательностью оценивать происходящие внутри треугольника процессы, а равно и состояние двусторонних отношений стран-участниц, поскольку эти тенденции напрямую влияют как на отношения Европы с каждым из трех государств, так и на общую повестку связей Европейского союза с треугольником как общностью» [Weidacher Hsiung, 2019, p. 3].

Взгляд из Европы останавливается на *неравнобедренном* характере «стратегического треугольника»; автор отмечает «стагнацию» российско-индийских связей, «проблемность» взаимодействия «Слона» и «Дракона», прочность отношений Москвы и Пекина. Исходя из вышеописанных сложностей и противоречий, К. Вейдахер-Сун именует «треугольник» Россия – Индия – Китай «фигурой 2+1». Задача Индии видится данному автору в нахождении точки равновесия между укрепляющейся российско-китайской «авторитарной антантой», с одной стороны, и отношениями с США в Индо-Тихоокеанском регионе, где главной целью Америки является «сдерживание» Поднебесной, – с другой. Основная задача Индии на данном направлении дипломатической деятельности, как считает К. Вейдахер-Сун, сводится к максимальной гибкости в отношениях с Москвой, Пекином и Вашингтоном и к извлечению конкретных внешнеполитических выгод, необходимых для решения стратегической задачи страны, а именно модернизации национальной экономики и накопления внутреннего потенциала, подбоающего современной великой державе.

Однако не стоит, как подчеркивает К. Вейдахер-Сун, абсолютизировать устойчивость «фигуры 2+1». Эволюция отношений внутри «стратегического треугольника» происходит; она имеет

собственную логику и свою инерцию. Так, первоначально и Индия, и Китай скептически отнеслись к идее «союза трех», которую предложил Е.М. Примаков, и на то были свои резоны. Во-первых, в середине 1990-х годов обе страны опасались, что подобное геополитическое «образование» пошлет «неправильный сигнал» Тихоокеанской Азии и США. Обе страны дорожили своими экономическими связями с Западом, и поэтому всякие попытки «противодействия» США и их союзникам должны были быть сведены к минимуму. Во-вторых, несмотря на заметное улучшение отношений между Россией, Индией и Китаем, они не достигли «стратегической зрелости», которую *имплицитно* предполагало предложение Е.М. Примакова. Прежде всего «проблемность» сохранялась в отношениях между «Слоном» и «Драконом». В-третьих, полагает К. Вейдахер-Сун, и Поднебесная, и «крупнейшая демократия мира» изначально сомневались в «искренности» предложений Е.М. Примакова, полагая последние частью «собственно российской геополитической игры против Запада, а не концепцией создания кооперационного механизма, целью которого было бы формирование полицентрического мира и улучшение качества глобального управления» [Weidacher Hsiung, 2019, p. 5–6].

Впрочем, как отмечает автор, первоначальный «вялый» отклик на инициативу Е.М. Примакова не был окончательным вердиктом. С 2001 г. начались неформальные встречи министров иностранных дел трех стран, а с 2006 г. они были институционализированы в ежегодные встречи глав дипломатических ведомств. Регулярным стал обмен мнениями по основным проблемам мировой и региональной политики, начали разрабатываться концепции повышения эффективности трехстороннего сотрудничества. Безусловным

активизирующим импульсом взаимодействия трех стран стал мировой финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008 г. Данный кризис убедил «незападный мир» в том, что происходит неуклонный упадок «коллективного» Запада. Впервые, как считает К. Вейдахер-Сун, была поставлена под сомнение дееспособность Запада и олицетворяемого им «мирового либерального порядка» в регулировании глобальных кризисных процессов. Начались поиски новой парадигмы мирового развития, в которой не-Запад играл бы подобающую его месту роль в глобальных и региональных процессах развития. Иными словами, настало время содержательного сотрудничества Индии и Китая [Weidacher Hsiung, 2019].

Не исключено, что свою роль во встречном движении азиатских гигантов сыграл и играет «фактор Моды». Премьер-министр Индии проводит «активистскую» внешнюю политику, старается трансформировать ставшую было привычной для Индии функцию «балансира» великих держав в роль «ведущей силы» в мировых делах; новая ипостась «крупнейшей демократии мира» означает волю не только направлять международные процессы, но и стать их движущей силой (по крайней мере одной из таковых). «Великодержавная дипломатия» в исполнении Н. Моды означает активные действия одновременно на *трех* направлениях: углубления «стратегических связей» с Америкой, резкой активизации отношений с Россией и «эффективного управления сложным взаимодействием с Китаем на пространстве региональной и мировой политики».

Сферой-пространством взаимного притяжения Индии и России остается Центральная Азия. Не секрет, что и Москва, и Дели заинтересованы в сохранении секуляристских элит и светской

государственности в бывших советских республиках Средней Азии. Аналогичные цели преследует и Китай. Помимо этого, Индия заинтересована в расширении внешнеэкономических связей с государствами Центральной Азии, которые пока недостаточно развиты. Экономическое влияние Китая в данном регионе преобладает, что вызывает озабоченность и в Дели, и в Москве. Наконец, Индия заинтересована и в участии России в многосторонних проектах сотрудничества в странах Южной Азии, где влияние Поднебесной также беспокоит «крупнейшую демократию мира». Однако эксперты считают, что тревоги Индии относительно роста геополитического влияния Китая пока не трансформировались в готовность Дели стать партнером Вашингтона по «сдерживанию» Поднебесной в Тихоокеанской Азии. Политика «лабиринтов», исходящая из долгосрочных интересов Индии, скорее всего, останется преобладающей формой дипломатического «самовыражения» официального Дели, что в принципе не противоречит стратегическим замыслам Москвы.

Эволюция «стратегического треугольника» Москва – Дели – Пекин органически «вписана» в контекст быстроменяющегося мира, основной чертой эволюции которого стал переход от западоцентричной к полицентрической модели организации глобального порядка. Представляется, что специальная операция по демилитаризации и денацификации Украины сообщила дополнительное ускорение тенденциям и процессам, латентно развивавшимся уже как минимум десятилетие. В ходе данных процессов и Россия, и Китай, и Индия обретают качественные характеристики, подпадающие «державам критической массы». (Формулировка классика современного обществознания Уолта Ростоу (1916–2003) под «критической массой» подразуме-

вает геополитический статус, делающий невозможной мировую политику без данной страны или вопреки ее интересам [Leading the World Economically..., 2003, p. 273].) В настоящее время основным «выгодополучателем» конфликта вокруг Украины принято считать Поднебесную. «Крупнейшая демократия мира», как полагают политологи-международники, также извлекает значительные материальные выгоды из перенаправления российских потоков энергоносителей на восток. Однако некоторые специалисты рассматривают новую роль Индии в полицентрическом мире *стереоскопически*, в том числе в геополитическом контексте.

Так, независимый журналист Сунил Шаран (*Sunil Sharan*) утверждает, что начинается новая перегруппировка сил в мировой политике. Индия, в частности, глубоко разочарована отказом Соединённых Штатов Америки поставлять атомные подводные лодки этой стране, тогда как Австралия получит субмарины этого класса по соглашению с Вашингтоном. С. Шаран высказывает предположение, что группировка *Quad* (США, Индия, Япония, Австралия) утрачивает определяющее значение для «крупнейшей демократии мира». На фоне казуса с американскими подводными лодками перспективным может оказаться якобы сделанное Россией предложение о приобретении усовершенствованной системы ПВО С-500, способной нейтрализовать летательные аппараты Китая, включая гиперзвуковые ракеты. Индия, как пишет С. Шаран, может оказаться первой страной-обладателем систем С-500 [Sharan, 2022].

Автор указывает на важные тенденции преемственности во внешней политике Индии: мастера *realpolitik* по имени Индира Ганди сменил не менее умелый обладатель и исполнитель искусства «реальной политики», нынеш-

ний премьер-министр Нарендра Мо-ди (как известно, сущность «реальной политики» заключена в отказе от всяких идеологических установок и в руководящей роли практических соображений при реализации государственных интересов страны – А.В.). Н. Мо-ди, как образно описывает существующее положение дел в дипломатическом истеблишменте Индии С. Шаран, учитывает советы своих «доверенных слуг», однако, «к счастью, не слишком буквально» реагирует на их рекомендации. Так, в руководящих кругах иностранных дел немало откровенно проамериканских деятелей. Их внутренние убеждения и побуждения теоретически могли толкнуть Индию на поддержку НАТО в «украинском кризисе», однако если такое мнение было бы высказано, Н. Мо-ди отверг бы подобное предложение. Ясно, что именно Н. Мо-ди диктует алгоритм поведения Индии в нынешнем кризисе. Н. Мо-ди – это политик прагматического стиля мышления, уравновешенный государственный деятель, не готовый рисковать государственными интересами Индии, как бы ни симпатична была ему та или иная нация. В завершение своей мысли С. Шаран отмечает, что Н. Мо-ди завоевал доверие В. Путина. У премьера Индии хорошие отношения и с главой исполнительной власти США. Должно быть, Дж. Байден недоволен нынешней позицией Индии в отношении России; однако нынешний глава Белого дома не доверяет Китаю. Таким образом, Индия получает дополнительные возможности, с одной стороны, зафиксировать свою независимую позицию, а с другой стороны, отстаивать безальтернативную роль дипломатии в урегулировании любого конфликта [Sharan, 2022].

С. Шаран на свой лад трактует парадигму «свободной геометрии» международных отношений Эмманюэля Тод-да. Предполагаемая недееспособность

формата *Quad* (США, Япония, Индия, Австралия) может быть компенсирована образованием новой гипотетической группировки, включающей в себя Китай, Индию, Россию, ОАЭ и другие государства Азии. «В конце концов двадцать первый век обещает стать веком Азии», – с некоторой долей иронии подводит итог своим размышлениям С. Шаран [Sharan, 2022].

«Стратегический треугольник» в системе внешней политики Индии

«Стратегический треугольник» Россия – Индия – Китай эволюционирует вместе с мировой политикой. «Водораздел», которым стала специальная операция России на Украине, быстро превращает образную геополитическую фигуру «2+1» в некое подобие «консорциума» по преобразованию Евразии и остального мира в коалиции с Бразилией (где активно вызревают тенденции по объединению Латинской Америки на не зависимой от «великого северного соседа» основе) и здравомыслящими политическими силами на Западе. «Треугольник», как представляется, обладает реальным потенциалом *конструктивного* вовлечения в мировые дела Турции, Саудовской Аравии, Египта, Ирана и других влиятельных региональных лидеров, способных стабилизировать основательно расшатанный «коллективным» Западом мировой порядок.

В данном случае иллюстративен пример Ирана. В последнее время внешняя политика Индии, как представляется, начинает «дрейф» в сторону идеи «стратегической автономии», которая была «фирменным знаком» дипломатии этой страны долгие годы. Как и в эпоху Индиры Ганди, внешняя политика вновь является прерогативой

премьер-министра страны и постепенно выводится из-под стратегического контроля дипломатического истеблишмента. В Тегеране понимают, что попытки «коллективного» Запада на выгодных для себя условиях снять часть санкций с Ирана ради прозаической цели расширить доступ иранских энергоносителей на мировые рынки нефти и газа продиктованы исключительно корыстными соображениями в нынешней противоречивой геополитической ситуации. Всякие переговоры о частичной отмене санкций объективно повышают влияние Ирана в региональной и мировой политике. Геополитическая «стойкость» Тегерана словно указывает официальному Дели на необходимость смелых поступков как в региональной, так и в мировой политике. Важное значение для региональной и глобальной политики могут иметь продолжающиеся переговоры между Ираном и Саудовской Аравией об урегулировании двусторонних отношений, что может стать одной из несущих конструкций «постамериканского мира». Видимо, индийские правящие круги начинают сознавать, что Иран, как и другие региональные лидеры, может стать важной «точкой опоры» для деятельности индийской дипломатии в построении нового, полицентрического мирового порядка.

Какими видятся задачи российской дипломатии на переломном этапе мирового развития? В условиях «эпического» реформирования мирового пространства, думается, необходимо «наполнение» «треугольника» Россия – Индия – Китай качественными и интенсивными внешнеэкономическими российско-индийскими связями. Своеобразным ориентиром на данном направлении деятельности должен стать

объем товарооборота между Индией и Китаем (125 млрд долларов в 2021 г., при значительном профиците Поднебесной), который должен иметь максимально сбалансированный, экономически и политически выгодный для «крупнейшей демократии мира» характер. Таким образом может быть ослаблена экономическая зависимость России от внешнеторговых связей с Поднебесной.

Повышение интенсивности внешнеэкономических связей между Россией и Индией может быть достигнуто за счет использования советского опыта клиринговых взаимоотношений и многосторонних геоэкономических «фигур», активно использовавшихся системой советской внешней торговли (СССР – Ирак – Индия, например). Система клиринга поможет «экономии» денежной массы рубля и рупии и будет способствовать снижению инфляционной нагрузки на национальные экономические системы наших двух стран.

Важное значение может приобрести *стратегическое управление* со стороны российского государства системой внешнеэкономических связей, как это имело место на различных этапах эволюции «государства развития» (*developmental state*), характерного для Японии, Южной Кореи, Тайваня, Китая и других успешных обществ Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. В рамках этой системы стратегического планирования и управления логично и возможно вовлечение в «водоворот» двусторонних связей российских регионов, до сих пор страдающих под гнетом многочисленных бюрократических ограничений и недостаточности финансовых средств для развертывания полноценной внешнеэкономической деятельности.

Мощным стимулятором двусторонних внешнеэкономических связей

обещает стать полномасштабное развертывание проекта Международного транспортного коридора (МТК) «Север – Юг» с активным участием Ирана. МТК «Север – Юг» облегчит Индии доступ в Центральную Азию и объективно повысит заинтересованность официального Дели в развитии других перспективных проектов, прежде всего в рамках Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС). Совместная деятельность России и Индии в третьих странах (Иране, регионе ЦАР, Южной Азии и т. д.) также позволит сбалансировать растущее влияние «Дракона» в сопредельных с нашими странами регионах. Иными словами, «треугольник» может трансформироваться из «блокиратора» евразийских интеграционных процессов в надежного стимулятора объединительных тенденций.

Список литературы

- Володин А.Г. Становление полицентрического мироустройства как продолжение геополитических процессов XX века // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2019. – Т. 12, № 4. – С. 6–31. – DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-6-31.
- Ленин В.И. Горючий материал в мировой политике // *Полное собрание сочинений* : 5-е изд. – Том 17. – Москва : Изд-во политической литературы, 1968. – С. 174–183.
- Феномен Трампа: монография / под ред. А.В. Кузнецова. – Москва : ИНИОН РАН, 2020. – 642 с.
- China & the USA: Globalisation and the Decline of America's Supremacy / Fouskas V.K., Roy-Mukherjee Sh., Huang Q., Udeogu E. – London : Palgrave Macmillan, 2021. – Xv, 94 p.
- Daulet Singh Z. Powershift. India-China Relations in a Multipolar World. – New Delhi : Macmillan, 2020. – 335 p.
- Jacques M. When China Rules the World. The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World. – London : Allen Lane, 2009. – 550 p.
- Janjua R.W. Pak-US relations // *The Express Tribune*. – 2022. – July 18. – URL: <http://tribune.com.pk/story/2366429/pak-us-relations> (дата обращения: 14.10.2022).
- Jha P.Sh. India and China. The Battle Between Soft and Hard Power. – New Delhi : Penguin-Viking, 2010. – 398 p.
- Joshi M. India's strategy in the China-Russia-USA triangle // *Observer Research Foundation*. – 2019. – December 19. – URL: <http://orfonline.org/research/indias-strategy-in-the-china-russia-usa-triangle-59417/> (дата обращения: 16.10.2022).
- Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. – New York : Vintage, 1989. – 704 p.
- Leading the World Economically / Ed. by F. Crouzet, A. Clesse. – Amsterdam : Dutch University Press, 2003. – 414 p.
- Madan T. China Has Lost India // *Foreign Affairs*. 2022. – October 4. – URL: <http://reader.foreignaffairs.com/2022/10/04/china-has-lost-india/content.html> (дата обращения: 06.10.2022).
- Rostow W.W. The Great Population Spike and After. Reflections on the 21st Century. – New York : Oxford University Press, 1998. – 228 p.
- Sharan S. The formation of a new Quad... China, India, Russia and Pakistan // *Times of India*. – 2022. – February 27. – URL: <http://timesofindia.indiatimes.com/blogs/strategic-insights/the-formation-of-a-new-quad-china-india-russia-and-pakistan/> (дата обращения: 18.10.2022).
- Smith D. The Dragon and the Elephant. China, India and the New World Order. – London : Profile Books, 2007. – 266 p.
- Weidacher Hsiung Ch. A tenuous tri-lateral? Russia-India-China relations in a changing world order. – Stockholm : The Swedish Institute of International Affairs,

2019. – 18 p. – URL: <http://ui.se/globalasets/ui.se-eng/publications/ui-publica->

tions/2019/ui-brief-no.-1-2019.pdf (дата обращения: 16.10.2022).

Political Processes in the Changing World

DOI: 10.31249/kgt/2022.06.01

Moscow – Delhi – Beijing Triangle in the System of India's Foreign Policy

Andrey G. VOLODIN

Dr.Sc. (History), chief researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: andreivolodine@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0627-4307

CITATION: Volodin A.G. (2022). Moscow – Delhi – Beijing Triangle in the System of India's Foreign Policy. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. vol. 15, no. 6, pp. 6–27 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2022.06.01

Received: 20.10.2022.

Revised: 18.11.2022.

ABSTRACT. *The present article is focused on the Moscow – Delhi – Beijing strategic “triangle” and its influence on India’s foreign policy. The author traces the history of the “triangle” conceptualizing the dynamic attitude of Russia, India and China to the notion of economic and geopolitical integration in Eurasia. After the dismemberment of the Soviet Union, the “triangle”, for quite a while, was evolving as a “2 plus 1” geometric figure; the highly controversial India – China relationship being the main reason for geostrategic stumbling block. The nascent regrouping of forces at the global level is pushing Beijing and Delhi to geopolitical rapprochement. What is emerging as a pivotal bilateral issue is the strategic stake of the Elephant and the Dragon in the coming*

polycentric world order. Also, the author believes that this reciprocal motion is encouraged by tectonic powershifts in world politics that have come into the open after the 24th of February, 2022. The “dramatic” remodeling of the international geopolitical space envisages a new intensity of Russia – India economic relations inside the “triangle”. Widening and deepening scope of bilateral economic relations might be sustained by an open mutual clearing system with absolute transparency. In Russia, to raise the effectiveness of bilateral economic ties, the state-guided strategic governance will come to rescue. The principles of strategic governance were successfully tested in the “developmental state” practiced by Japan, South Korea as well as other advanced societies of

the Far East and South-east Asia. Another emerging “driver” of Russia – India relations is the scheme of the International Transportation Corridor with an active participation of Iran.

KEYWORDS: *polycentric world order, Russia, India, China, India – China border dispute, Pakistan, the USA, geopolitics, Iran, North-South international transportation corridor.*

References

- Daulet Singh Z. (2020). *Powershift. India-China Relations in a Multipolar World*. New Delhi : Macmillan, 335 pp.
- China & the USA: Globalisation and the Decline of America's Supremacy* (2021). Fouskas V.K., Roy-Mukherjee Sh., Huang Q., Udeogu E. London : Palgrave Macmillan, xv, 94 pp.
- Jacques M. (2009). *When China Rules the World. The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World*. London : Allen Lane, 550 pp.
- Janjua R.W. (2022). Pak-US relations. *The Express Tribune*. July 18. Available at: <http://tribune.com.pk/story/2366429/pak-us-relations>, accessed 14.10.2022.
- Jha P.Sh. (2010). *India and China. The Battle Between Soft and Hard Power*. New Delhi : Penguin-Viking, 398 pp.
- Joshi M. (2019). India's strategy in the China-Russia-USA triangle. *Observer Research Foundation*. December 19. Available at: <http://orfonline.org/research/indias-strategy-in-the-china-russia-usa-triangle-59417/>, accessed 16.10.2022.
- Kennedy P. (1989). *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. New York : Vintage, 704 pp.
- Leading the World Economically (2003). Crouzet F., Clesse A. (eds.). Amsterdam : Dutch University Press, 414 pp.
- Lenin V.I. (1968). Combustible material in world politics. *Complete set of works*. 5th ed. Vol. 17. Moscow : Isdatel'stvo politicheskoy literature, pp. 174–183.
- Madan T. (2022). China Has Lost India. *Foreign Affairs*. October 4. Available at: <http://reader.foreignaffairs.com/2022/10/04/china-has-lost-india/content.html>, accessed 06.10.2022.
- Rostow W.W. (1998). *The Great Population Spike and After. Reflections on the 21st Century*. New York : Oxford University Press, 228 pp.
- Sharan S. (2022). The formation of a new Quad... China, India, Russia and Pakistan. *Times of India*. February 27. Available at: <http://timesofindia.indiatimes.com/blogs/strategic-insights/the-formation-of-a-new-quad-china-india-russia-and-pakistan/>, accessed 18.10.2022.
- Smith D. (2007). *The Dragon and the Elephant. China, India and the New World Order*. London : Profile Books, 266 pp.
- The Trump Phenomenon* (2020). Kuznetsov A.V. (ed.). Moscow, INION, 642 pp.
- Volodin A.G. (2019). The Formation of the Polycentric World Order as a Continuation of the Geopolitical Processes of the Twentieth Century. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 12, no. 4, pp. 6–31 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-6-31.
- Weidacher Hsiung Ch. (2019). *A tenuous trilateral? Russia-India-China relations in a changing world order*. Stockholm : The Swedish Institute of International Affairs, 18 pp. Available at: <http://ui.se/globalassets/ui.se-eng/publications/ui-publications/2019/ui-brief-no.-1-2019.pdf>, accessed 16.10.2022.